

Научная статья

УДК 94:632.15(47)“1800/1917”

doi: 10.17223/19988613/79/4

«Право небогатых людей на неотравленные воздух и воду»: городское самоуправление в борьбе с промышленным загрязнением в позднеимперской России

**Андрей Владиславович Виноградов¹, Анна Борисовна Агафонова²,
Иван Игоревич Манцеров³**

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, AndreiVinogradov@gmail.com

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия, a.b.agafonova@gmail.com

³ Российский государственный архив литературы и искусства, Москва, Россия, ivan-mancerov@mail.ru

Аннотация. Рассматривается роль городских дум в становлении контроля над промышленным загрязнением в России позднеимперского периода. Показано, какие механизмы использовало городское самоуправление для решения санитарных проблем и какова была практика его взаимодействия с центральными и региональными властями. На основании анализа наиболее заметных конфликтов в этой области делается вывод, что местное самоуправление сыграло важнейшую роль в становлении российской экологической политики, однако эта роль значительно варьировала в зависимости от экономических, культурных и социальных особенностей регионов.

Ключевые слова: городское самоуправление, промышленное загрязнение, экологическая история, Российская империя

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Виноградов А.В., Агафонова А.Б., Манцеров И.И. «Право небогатых людей на неотравленные воздух и воду»: городское самоуправление в борьбе с промышленным загрязнением в позднеимперской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 34–43. doi: 10.17223/19988613/79/4

Original article

“The right of the poor to unpoisoned air and water”: urban self-government in the fight against industrial pollution in late imperial Russia

Andrei V. Vinogradov¹, Anna B. Agafonova², Ivan I. Mantserov³

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, AndreiVinogradov@gmail.com

² National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, a.b.agafonova@gmail.com

³ Russian State Archive of Literature and Art, Moscow, Russian Federation, ivan-mancerov@mail.ru

Abstract. The article deals with the activities of the urban self-government in the struggle with industrial pollution in the late Russian Empire. What mechanisms did it have at its disposal to oppose powerful industrialists and defend the interests of townspeople? Could townspeople, in turn, rely on the assistance of the city *dumas* to fight for their right to breathe clean air and drink clean water? Similar studies are quite common in foreign historiography of environmental history, but the Russian experience remains unclaimed.

Based on the documentation of the city dumas, provincial boards, and higher departments of the Russian Empire, the authors examine the questions raised through several case studies. The confrontation between Kazan citizens and the Association of Chemical Factories “Ushkov and Company” shows that not always the state and local government acted as counterparts: constructive cooperation between them was possible, but systematic control over the sanitary condition of factories was not feasible without the appropriate efforts of the provincial administration. An example of a strong urban community and its potential to oppose powerful industrialists is shown in Tver: here, for several decades, the Duma supported litigations against the dumping of toxic waste into the Tmaka river and obtained two precedent-setting court decisions. But in the territories where big industry occupied a large share of the economy, such as Ivanovo-Voznesensk, the Urals, and Baku region, the situation could be opposite. Often the state and regional authorities demanded greater sanitary control, while the city council defended the interests of producers. This was particularly the case in Baku, where

the Viceroy of the Caucasus decided to demolish all oil refineries and to build them outside the city limits, and the council was composed predominantly of representatives of industrial circles. Contemporaries from Ivanovo-Voznesensk and the Urals described pollution problems as very typical and habitual, and as such they rarely caused protests of the local population.

The authors conclude that the urban reform was an important stage in the formation of Russian environmental policy: it created a public space for discussion, including sanitary issues, a dialogue between urban communities and the state power. Nevertheless, the role of city councils in the fight against pollution depended to a large extent on the social order and economic conditions prevailing in individual regions.

Keywords: urban self-government, industrial pollution, environmental history, Russian Empire

Acknowledgements: The research was supported by grant from the Russian Government, project No. 075-15-2021-611 “Human in the Changing Space of the Urals and Siberia”.

For citation: Vinogradov, A.V., Agafonova, A.B., Mancеров, I.I. (2022) “The right of the poor to unpoisoned air and water”: urban self-government in the fight against industrial pollution in late imperial Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 34–43. doi: 10.17223/19988613/79/4

Введение

В 1915 г. Матвей Григорьевич Диканский, один из первых в Российской империи теоретиков градостроительства, писал: «...Необычайный и стремительный рост городов застал русские городские самоуправления совершенно неподготовленными. Несовершенство или, вернее, полное отсутствие строительных правил имело своим последствием спешную и хаотическую застройку городской территории при полном безучастии органов самоуправления. Несдерживаемое никакими ограничительными нормами, частное строительство, в полном пренебрежении к интересам общественным, приняло стихийные формы и до крайности ухудшило наше городское благоустройство» [1. С. 17–18]. Хотя Диканский придавал большое значение эстетической составляющей строительства в городах, он признавал, что гораздо более серьезным следствием стихийной частной застройки была угроза здоровью горожан: хаотично расположенные жилые кварталы, заводы и фабрики приводили к тому, что люди часто страдали от инфекционных заболеваний и токсичных промышленных отходов. Городское самоуправление было одной из немногих сил, которая могла бы противопоставить интересам частных собственников и промышленников интересы городского сообщества.

В эпоху индустриализации XIX в. промышленное загрязнение было одной из самых насущных проблем в крупных российских городах. В отличие от бытового загрязнения, которое стало привычной проблемой задолго до промышленного переворота, влияние токсичных заводских отходов на здоровье человека и окружающую среду было еще недостаточно изученным и слабо поддавалось регулированию. Сточные воды заводов и фабрик были неотъемлемым следствием той выгоды, которую получали в процессе производства владельцы промышленных предприятий, а также региональные власти, взывавшие с них налоги. В этой связи решение проблем промышленного загрязнения требовало коллективных действий значительного количества горожан, а городское самоуправление, как справедливо отмечал Диканский, было одной из немногих сил, способных обеспечить и направить подобные действия.

Несмотря на то, что загрязнение окружающей среды промышленными отходами часто воспринимается как проблема, свойственная исключительно современности или недавнему прошлому, в действительности оно имеет богатую историю, уходящую корнями в эпоху промышленного переворота. История борьбы с загрязнением воды и воздуха промышленными предприятиями стала популярной темой в зарубежной историографии экологической истории: так, Томас Ле Ру рассматривал Париж конца XVIII – начала XIX в. как «лабораторию промышленного загрязнения» [2], а британский исследователь Стивен Мосли исследовал схожую проблематику на примере Манчестера – «мировой трубы» [3]. Выстраивая свои исследования вокруг крупных городов, европейские историки зачастую сосредоточивались на процессах «онаучивания» [4] и «институционализации» [5] загрязнения, которые были тесно друг с другом взаимосвязаны. Научное знание, которое давало возможность воздействовать на токсичные отходы и нейтрализовывать их, должно было найти эффективное применение в практике определенных институтов, без чего борьба с загрязнением не могла быть эффективной. Часто эти институты создавались на национальном уровне, однако практики и принципы, заложенные в их основу, произрастали из локальных конфликтов, значительная роль в которых принадлежала городскому самоуправлению.

На сегодняшний день существует значительный объем литературы, посвященной борьбе с загрязнением окружающей среды в советской истории: российские и зарубежные исследователи рассматривали ее в контексте реализации пятилетних планов и масштабных проектов советской власти [6, 7], добычи полезных ископаемых и материальной истории [8, 9]. Дореволюционный период в этой связи получил существенно меньше внимания: редким исключением являются работы А. Мазаник, Г.Ю. Афанасьева и в особенности А.Б. Агафоновой, подробно рассмотревшей санитарную деятельность городских дум в Вологодской и Новгородской губерниях [10–12].

Цель настоящей статьи – проанализировать возможности городского самоуправления позднеимперской России в борьбе с промышленным загрязнением

окружающей среды в широком национальном контексте. Какие механизмы оно имело в своем распоряжении, чтобы противостоять влиятельным промышленникам в интересах горожан? Могли ли горожане, в свою очередь, рассчитывать на содействие со стороны городских дум в борьбе за свое право дышать чистым воздухом и пить чистую воду? Чтобы ответить на эти вопросы, мы проанализируем несколько ключевых кейсов, по-разному раскрывающих деятельность городских дум в процессе решения санитарных конфликтов в различных регионах Российской империи.

Санитарные вопросы в практике деятельности местного самоуправления в Российской империи

В ведении органов местного самоуправления, в соответствии с российским законодательством, находились вопросы размещения и надзора за санитарным состоянием промышленных предприятий. Городские промышленные заведения по степени влияния на здоровье рабочих и населения были разделены на две категории: «совершенно безвредные» и «вредные». Решение об открытии того или иного «безвредного» производства принимали городские управы, в то время как решение о строительстве заведений, вредных для здоровья и общественной безопасности, оставалось за губернским начальством. Последняя категория включала в себя заведения, которые загрязняли воздух, водоемы и почву, были пожароопасными или издавали шум. Открытие таких производств в городах либо категорически воспрещалось, либо могло быть разрешено при использовании промышленниками технологических приспособлений, позволявших сократить вредное воздействие [13. С. 131]. Список заведений, устройство которых выходило за компетенции городского общественного управления, ежегодно издавался министром внутренних дел по согласованию с министрами финансов и путей сообщения [14. Ст. 70].

Городская реформа 1870 г. передала в ведение городских дум и управ вопросы внешнего благоустройства городской среды, в том числе право издавать обязательные постановления по охране общественного здоровья, куда, по усмотрению городских дум, могли входить правила содержания промышленных заведений [15. С. 153]. Данные постановления составлялись городскими думами по согласованию с начальником местного полицейского управления; такой же порядок предусматривался и для их пересмотра [Там же. Ст. 104. С. 183]. Наблюдение за точным исполнением постановлений возлагалось на городскую полицию, которая обязывалась докладывать обо всех замеченных нарушениях городскому общественному управлению. Мера наказания за нарушение постановлений устанавливалась в соответствии с Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, а возбуждение судебного преследования и обличение виновных перед судом предоставлялись органам городского управления наравне с административными властями [Там же. Ст. 109–110. С. 186–188]. С 1879 г. городские думы получили право издавать постановления о переносе вновь открываемых фабрик за городскую черту, а уже действующие

промышленные заведения могли быть перенесены на новое место по решению губернского начальства и министра внутренних дел. Городовое положение 1892 г. предписало включить в перечень обязательных постановлений городских дум правила об устройстве и порядке содержания «в санитарном отношении фабричных и ремесленных заведений, бань и боен» [16. С. 144–145], а также ставило деятельность органов городского управления под жесткий контроль со стороны губернатора [Там же. С. 7–8]. Городовые положения 1870 и 1892 гг. способствовали законодательному закреплению приоритета коллективной безопасности и охраны общественного здоровья над правом частной собственности, поскольку предоставили право органам городского управления следить за санитарным состоянием не только казенных помещений и территории, но и частных домовладений, торговых и промышленных заведений.

Как показало исследование А.В. Погожева, обязательные постановления об удалении и хранении отходов производства, а также о воспреещении загрязнения водоемов промышленными стоками в большинстве случаев содержали формальные запреты на загрязнение воздуха, воды и почвы промышленными отходами без указания конкретных производств, условий и способов наложения запретов [17. С. 11]. В отношении размещения и утилизации отходов зачастую указывались способы удаления, хранения и дезинфекции, иногда – расстояние между свалками и жилыми домами, а также водоемами. Помимо этого, А.В. Погожев отметил, что зачастую вводились ограничения на открытие в городах складов тряпья, костей и кож, кожевенных, овчинных, салотопенных и клееваренных заводов, а также производств, которые «загрязняют или портят воздух и воду» [Там же. С. 12]. В большинстве городов наиболее подробные требования устанавливались к устройству скотобоен, вымачиванию кож и полосканию окрашенных изделий, что было обусловлено тем, что загрязнение окружающей среды от этих производств было заметно, а сами производства были повсеместно распространены и долгие годы не меняли свой технологический процесс.

Что касается исполнения обязательных постановлений, то контроль за этим, по оценке А.В. Погожева, осуществлялся повсеместно в рамках общего врачебно-санитарного надзора [Там же. С. 13]. Практически всегда исполнялись постановления, касавшиеся расположения промышленных заведений, поскольку в случае выявления нарушения владелец был обязан снести заведение за свой счет, в то время как вопросы, касавшиеся ограничений промышленного загрязнения, зачастую либо слабо контролировались, либо сопровождались затяжными тяжбами между промышленниками и органами городского управления.

Казанская городская дума и Товарищество химических заводов «Ушков и Компания»

Длительные судебные разбирательства между Казанской городской думой и химическим заводом Товарищества «Ушков и Компания» стали одним из наиболее заметных случаев противостояния городского сообще-

ства и промышленников в поздней имперской России. Конфликт начался в 1893 г., когда Товарищество начало строительство нового предприятия по производству сульфата натрия на окраине города: уже осведомленные о неблагоприятной санитарной обстановке на других заводах Товарищества, горожане просили министра внутренних дел И.В. Дурново отменить разрешение на строительство. Тем не менее, благодаря заступничеству Д.И. Менделеева, строительство было разрешено, и в 1894 г. завод начал свою работу [18. Л. 3].

Отправной точкой конфликта стала жалоба, поданная горожанами в Казанскую городскую управу летом 1900 г. На ее основании созданная в рамках Управы Санитарная комиссия провела осмотр завода и выяснила, что Товарищество вышло далеко за рамки того производства, которое было разрешено приказом министра внутренних дел. Новые, нелегальные производственные линии были крайне опасны как для окружающей среды, так и для здоровья людей: токсичные газы, попадавшие в воздух через трубы и отверстия в печах, при соприкосновении с водой приводили к образованию соляной кислоты, которая разрушала и живые ткани, и имущество местных жителей [19. Л. 57]. Члены комиссии обнаружили, что деревья в расположенном недалеко от завода лесу потеряли листья, как и яблони в садах горожан, в то время как сами хозяева садов страдали от кашля и рези в глазах. Выслушав результаты работы комиссии, Казанская городская дума приняла решение ходатайствовать перед губернатором о закрытии всех производственных цехов, помимо сульфатного.

Первоначально встав на сторону городской думы, губернатор удовлетворил ее ходатайство, однако вскоре изменил свое мнение на противоположное. Год спустя, летом 1901 г., он уведомил думу, что Строительное отделение Казанского губернского правления организовало осмотр завода и удостоверилось, что его владельцы приняли все необходимые по закону меры для сокращения вреда. В ответ на замечание со стороны гласных думы о том, что местные жители не видят никаких позитивных изменений, губернатор отказался пересматривать свое решение и предложил подать апелляцию в Министерство внутренних дел и Правительствующий Сенат.

Случай Казанской городской думы показывает, что взаимодействие между городским самоуправлением и высшими ведомствами Российской империи действительно могло быть продуктивным. Несмотря на то, что рассмотрение апелляций заняло длительное время (решение было получено от МВД только в 1906 г.), обе инстанции поддержали гласных думы и признали решение Казанского губернского правления недопустимым. Губернатору было предписано пересмотреть его и выпустить новое решение, приняв во внимание требования горожан и санитарного законодательства тех лет.

Постановление Правительствующего Сената было выполнено крайне формально: губернатор действительно выпустил новое распоряжение относительно завода, что от него и ожидалось, но это не решило проблем горожан. Комиссия Строительного отделения потребовала от заводской администрации устранить имею-

щиеся санитарные нарушения, а затем провела очередную проверку, которая показала, что химическое производство соответствует всем необходимым требованиям. Представители Городской думы и местные жители вновь не были допущены к проведению осмотров на заводе, так как с юридической точки зрения их участие в них не являлось обязательным.

Несмотря на отказ промышленников вступать в диалог с городским сообществом и протекционистскую позицию губернской администрации, Городская дума продолжала вести затянувшиеся судебные разбирательства. В 1908 г. она отправила очередные апелляции в Правительствующий Сенат и Министерство внутренних дел. Итог их рассмотрения был вновь положительным: Сенат постановил отменить распоряжение Губернского правления о разрешении химического производства, а Медицинский совет МВД распорядился установить контроль за санитарным состоянием предприятия, который должен был выявлять его влияние на здоровье людей и окружающую среду. Однако центром ответственности за исполнение всех этих предписаний вновь оставалось Губернское правление: ни закон, ни распоряжения высших ведомств не устанавливали, что представлял собой «вред», кто и как должен был его измерять, как и в какие сроки он должен был быть устранен.

На протяжении года завод находился под наблюдением двух экспертов, один из которых был нанят Городской думой, а другой – Губернским правлением. Эксперты ожидаемо пришли к противоположным выводам о санитарном состоянии предприятия. Интересно, что сторона «защиты» не отрицала факт повышенной заболеваемости населения вокруг завода, которое до двух раз чаще страдало от болезней легких и глаз [20. Л. 49], но призывала искать другие его причины, продолжая резервировать за собой право доступа на завод. Закономерно, что Строительное отделение Губернского правления заняло сторону эксперта, лояльного к промышленникам, и таким образом постановления вышестоящих инстанций были вновь исполнены формально.

У противостояния между Казанской городской думой и Товариществом «Ушков и Компания» не было логического завершения: предприятие прекратило свое существование в 1917 г., но не в результате революционных событий, а вследствие пожара, известного как «Казанская катастрофа». Разрушения были настолько существенные, что национализацию и восстановление завода новая власть сочла невозможной.

Тверская городская дума и Товарищество Тверской мануфактуры

Еще одним показательным процессом, связанным с противодействием феномену промышленного загрязнения силами городских властей в поздней имперской России, было противостояние фабричной администрации Товарищества Тверской мануфактуры и Тверской городской думы во второй половине XIX – начале XX в. Начавшись после основания текстильной фабрики на берегу р. Тьмаки в 1858 г. [21. Л. 1], данный конфликт

в определенный момент стал важным прецедентным процессом и вовлек в себя в качестве акторов представителей высших ведомств, а также ведущих экспертов в сфере химической науки и гигиены.

Несмотря на то, что появление красильной фабрики на берегу Тьмаки противоречило действовавшим положениям законодательства [22. С. 814–815], фабрикантам Сидору Шибаеву, Викуле Митюшину и Василию Бушмарину удалось получить соответствующее разрешение ввиду удаленности производства от населенных районов и соблюдения противопожарных требований. Однако окрестное население сразу стало ощущать санитарные последствия работы фабрики, выкупленной Морозовыми. Производство на Тверской мануфактуре предусматривало полный цикл работ, включавший изготовление, отбеливание, окрашивание и промывку изделий с использованием токсичных веществ, в числе которых применялись соединения хрома и мышьяка, тяжелые металлы и их оксиды (свинец, медь), соляная кислота. Местное население, привыкшее использовать речную воду в быту, стало испытывать проблемы со здоровьем: употребление тьмакской воды часто вызывало диарею, рвоту, боль в желудке. Пропорционально росту территории Морозовской фабрики увеличивался и объем неочищенных сточных вод, попадавших в Тьмаку.

Конфликт находился в спящей стадии вплоть до начала 1870-х гг., когда первые шаги в борьбе с промышленным загрязнением были предприняты вновь образованной Тверской городской думой, в сферу компетенции которой входило обеспечение равного доступа к водным ресурсам региона [21. Л. 27 об.].

Меры городских властей Твери в борьбе с загрязнением Тьмаки поначалу выглядели малоэффективными. В 1871 г. по инициативе думы был организован комитет для исследования качества вод Тьмаки, а в 1875 г. – комиссия для выработки мер по борьбе с загрязнением при Тверском губернском правлении, однако значимого эффекта их деятельность не возымела.

После этого был предпринят ряд попыток доказать виновность фабрикантов посредством проведения анализа проб речной воды в 1874 и 1878 гг. в Медицинском Совете МВД; данный шаг стал значимой предпосылкой к широкому привлечению экспертов в рамках подобных разбирательств, однако в связи с невысоким уровнем развитости диагностики загрязнения воды желаемых результатов получить не удалось. В соответствии с заключением экспертов Медицинского Совета МВД, в пробах «не выявлено вредных минеральных веществ» [Там же. Л. 2 об.]. Усилиями городского полицмейстера также была предпринята попытка привлечь фабрикантов к ответственности в соответствии со ст. 83 Уложения о наказаниях, однако успехом она не увенчалась [23. С. 411].

В середине 1870-х гг. промышленники от игнорирования усилий городских властей перешли к переговорам с Городской думой по вопросам устройства отвода стоков в Волгу ниже города и строительства водопровода в Затьмацкой части Твери за счет фабрики в обмен на отказ от претензий со стороны города. Позиция

Тверской городской думы была принципиальной, а потому от предложения единовременной выплаты в размере 30 тыс. руб. было решено отказаться [21. Л. 2]. Новый виток борьбы стартовал в 1879 г., когда усилиями думы был инициирован судебный процесс в отношении Морозовской фабрики, а уже 5 октября 1881 г. постановлением мирового суда был введен запрет на спуск неочищенных сточных вод в Тьмаку [24. Л. 1].

С начала 1880-х гг. в разбирательствах между городскими властями и фабрикой Товарищества Тверской мануфактуры обозначился новый этап. Ограничение деятельности фабрики угрозой перекрытия сточных труб было беспрецедентным явлением, всколыхнувшим промышленный мир, и придало «водяным недоразумениям» [Там же. Л. 2] широкий резонанс.

После подачи апелляции в отношении решения суда и привлечения к процессу в 1882 г. представителей Медицинского Совета МВД в лице докторов химии А.В. Пеля и В.В. Марковникова, а также директора Технологического института Н.П. Ильина, была проведена экспертиза тьмакской воды с целью поиска ответов на вопросы о ее соответствии гигиеническим требованиям, а также об источниках ее загрязнения. Несмотря на то, что жалобы на порчу речной воды в Затьмачье участились именно с момента возникновения Морозовской фабрики, эксперты единогласно признали город основным виновником загрязнения Тьмаки и встали на сторону промышленников. В письме министра МВД графа Д.А. Толстого в адрес тверского губернатора от 15 ноября 1882 г. [21. Л. 21–23] признавалось, что стоки фабричных труб загрязняют Тьмаку лишь на незначительном участке реки до Мельничного моста, в то время как общая негодность тьмакской воды обеспечивается стоками городских бань, свалок и огородов.

Санитарная комиссия города, образованная по инициативе Тверского губернского правления и Тверской городской думы, не сумела убедить экспертов в обратном, а потому несколько лет спустя, в 1887 г., с Морозовской фабрики был снят ранее наложенный запрет.

Поражение городского самоуправления на данном этапе не стало финальной точкой разбирательства. Многолетние тяжбы и участие экспертов позволили стороне обвинения понять, что для завершения конфликта в пользу города необходимы надежная законодательная опора и установленные критерии «вредности» сточных вод.

В период 1887–1902 гг. громких судебных процессов между городом и фабрикой не происходило. В то же время введение в законодательную практику ст. 111 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» сыграло значимую роль в дальнейших тяжбах. Указанная статья предполагала введение меры наказания в виде ареста на срок до трех месяцев в случае, если обвиняемая сторона допустила порчу воды, повлекшую за собой загрязнение общественного водоема [24. Л. 1–2].

Долгая и упорная борьба, которую вела Тверская городская дума против Морозовской фабрики, в 1910 г. подошла к завершению. Во многом это стало возможным благодаря гигиенисту Г.В. Хлопину – именно его

усилиями в 1907 г. были созданы «Санитарные требования» для сточных вод фабрик и заводов. Несмотря на их противоречивость, при отсутствии альтернативы Министерство внутренних дел рекомендовало придерживаться именно их. Данные требования включали в себя ряд показателей пригодности вод общественных водоемов, среди которых упоминаются бесцветность, отсутствие запаха и выраженного привкуса, а также «вредных металлов и металлоидов» в составе воды [24. Л. 9].

Тверская городская дума 12 августа 1908 г. издала постановление, согласно которому сточные воды Морозовской фабрики должны соответствовать «Санитарным требованиям», – до тех пор спуск фабричных нечистот был запрещен [21. Л. 4]. Несмотря на то, что обозначенные требования были рекомендательными независимо от местных условий функционирования многочисленных заводов империи, какой-либо инстанции, уполномоченной предоставить промышленникам информацию о возможных путях достижения параметров, определенных «требованиями», не существовало.

В таких условиях судьба Тверской мануфактуры была очевидной: в марте 1910 г. Тверской Окружной суд осудил фабричных управляющих Д.Н. Попова и И.И. Кузнецова по ст.ст. 26, 29, 102 и 111 Мирового устава из-за допущения ими спуска неочищенных стоков и нарушения предписаний Тверской городской думы. Суд приговорил обвиняемых к аресту в земском арестном доме на срок 1 и 2 месяца. Принимавшая активное участие в работе суда экспертная комиссия составила обязательный для реализации перечень рекомендаций по установке очистных сооружений на фабрике в летний строительный период.

Многолетние усилия городского самоуправления Твери увенчались успехом, а вынесенный Тверским Окружным судом приговор шокировал представителей промышленных кругов – ранее случаев осуждения фабрикантов по санитарным статьям в Российской империи не происходило. Резонанс данного постановления вынудил промышленников Московского промышленного района встать на путь поиска компромисса. Итогом этого стало образование в соответствии с указом Николая II от 12 июля 1911 г. «Временного комитета по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов» [25. Л. 1], в задачи которого входило исследование общественных водоемов на вверенных территориях и консультирование фабрикантов по вопросам устройства очистных сооружений, способных обеспечить эффективную очистку стоков в соответствии с местными условиями [26. С. 5]. После первых пяти лет работы Временный комитет продолжил свою деятельность, а в 1919 г. был реорганизован в Центрводоохран, постепенно распространяя деятельность и за пределы Московского промышленного района.

Тверской кейс стал наиболее резонансным в ряду ему подобных. В условиях паритета сил управления Морозовской фабрики и Тверской городской думы и отсутствия готовых паттернов преодоления подобных

разногласий судебные разбирательства по вопросу порчи вод Тьмаки стали площадкой для выработки мер противодействия феномену загрязнения в имперском масштабе. Формальное завершение конфликта в 1910 г. тем не менее не могло сказаться положительно на состоянии Тьмаки: десятилетия нерегулируемого стока привели к тому, что река перестала замерзать зимой [24. Л. 22 об., 23] и перешла в категорию так называемых «промышленных рек», состояние которых определялось не естественными процессами, а деятельностью промышленных предприятий. Несмотря на это, рассмотренный конфликт сыграл важную роль в возникновении Временного комитета, внесшего вклад в установление контроля над промышленным загрязнением водоемов в позднеимперской России.

Городское самоуправление и загрязнение окружающей среды в промышленных регионах

Чтобы рассмотреть деятельность городских дум по борьбе с промышленным загрязнением, необходимо уделить внимание не только тем центрам, где местные сообщества были особенно сильны (как в Казани и Твери), но и промышленным регионам, ситуация в которых могла значительно отличаться. Многие зависело от состава местных элит, которые получали большинство в городских думах: если представители местной аристократии, ученые и врачи были не особенно решительно настроены против загрязнения, то промышленники, которые также участвовали в деятельности представительных органов и нередко получали в них большинство мест, ожидаемо отстаивали интересы индустриальных кругов.

В позднеимперский период в России сложилось несколько крупных индустриальных районов: в частности, добыча полезных ископаемых активно велась на Урале и Апшеронском полуострове, а на севере Европейской России развивалось текстильное производство, одним из крупных центров которой стал Иваново-Вознесенск. Развитие промышленности значительно трансформировало городские сообщества на перечисленных территориях и повлияло на политику местного городского самоуправления.

Хотя проблема загрязнения в крупных промышленных центрах стояла более остро, она редко становилась предметом широкого обсуждения. Причины такого положения дел ясны из переписки между жителями Иваново-Вознесенска, Владимирским губернатором и Министерством внутренних дел, состоявшейся в 1901 г. В своем письме, адресованном МВД, местный житель жаловался на плачевное состояние водоемов вследствие спуска в них фабричных сточных вод: «Я, житель Ковровского уезда по реке Уводи, осмелюсь сказать о совершенном уничтожении рыбы в этой реке благодаря фабрикам в г. Иваново-Вознесенске... Река Уводь, впадающая около Коврова в Клязьму, отличалась таким изобилием рыб: лещей, язей и сомов, даже судаков, что остались одни баснословные воспоминания. Причиной тому послужили фабрики г. Иванова и села Кохмы... Когда спускать стали отраву, то рыбы полуживой двинулась такая масса, что руками, кор-

зинками ловило местное население целые горы, но при употреблении в пищу все переболели, и с тех пор этого промысла не стало. Мало того, воду в реке так испортили, что употреблять ее для питья стало невозможно, даже скот пасущийся... совершенно не мог ее пить» [27. Л. 1]. Автор письма утверждал, что крестьяне и горожане обращались к местным властям, но безрезультатно. В ответ на просьбу МВД пояснить изложенные в письме сведения владимирский вице-губернатор отвечал, что дела о загрязнении рек возбуждаются крайне редко в связи с позицией местного самоуправления по этому вопросу: «Это объясняется тем, что спуск в реки сточных вод, в особенности на старых мануфактурах, практиковался, как было сказано выше, очень давно и как бы вошел в обычай, и что местные органы сознавали, что деятельность многих фабрик тесно связана с серьезными экономическими интересами данной местности, и что немедленное принятие по отношению к ним репрессивных мер иногда было бы равносильно сокращению или даже прекращению производства» [Там же. Л. 5 об.].

Аналогичным образом спуск токсичных сточных вод в общественные водоемы считался устоявшейся практикой на Урале, где лишь небольшая часть населения настаивала на пересмотре сложившейся системы утилизации фабричных отходов. В 1901 г. корреспондент екатеринбургской газеты «Урал» сообщал: «Грустная практика жизни установила у нас спуск “отработанных вод” туда, где удобнее богатому заводо-владельцу спускать эти воды. Тщетно защищал закон право небогатых людей на неотравленный воздух и воду, — “крючковторы-ходатаи” оказывались почему-то сильнее претендентов на это право, а всеобщее околофабричное отравление... распространялось с расширением фабрично-заводской промышленности» [28. С. 2]. В отличие от многих других российских регионов, на Урале значительная доля населения — как промышленники, так и их наемные служащие — получали доход от промышленности, что во многом предопределило политику не только губернских властей, но и городских дум.

Схожая ситуация сложилась в Баку, где с начала 1870-х гг. началась активная добыча нефти, приведшая к соответствующим санитарным и экологическим последствиям. Расстановка сил между региональной администрацией и городским самоуправлением здесь была прямо противоположной той, которую мы можем видеть на примере Твери и Казани: в то время как Кавказский наместник и бакинский губернатор настаивали на необходимости защиты людей и окружающей среды от загрязнения, Городская дума состояла преимущественно из промышленников и лояльных к ним людей. Если по решению Кавказского наместника в 1873 г. в Баку были снесены все нефтеперерабатывающие заводы и выстроены заново на территории так называемого Черного города, то Бакинская городская дума постепенно превратилась в инструмент отстаивания интересов промышленных кругов. Местная газета «Каспий» так комментировала необходимость учреждения городских дум: «Тонуть в грязи и нечистотах можно и без городского управления, а что каса-

ется фонарей с кронштейнами и конделябр от Кумберга, так ведь в них покуда не предстоит особенной надобности» [29. С. 2], — имея в виду, что городские гласные из числа промышленников «покупали» благосклонность горожан вложениями в городскую инфраструктуру, пренебрегая при этом вопросами чистоты окружающей среды. Критикуя сложившийся в думе перекос в сторону состоятельных нефтяников, корреспондент газеты выступал за повышение избирательных прав и включение в состав Думы «образованного класса» горожан, но при этом не высказывал оптимизма: «Это так должно быть и так будет, и мы несколько не сомневаемся этой “характерной особенности” выборов, особенности, которая не уничтожится до тех пор, пока не будут реорганизованы самые выборы в гласные в духе расширения избирательных прав, пока образованный класс городских жителей не будет только гостем в этом городе, истинным интересам которого он служит» [30. С. 2].

Опыт крупных промышленных городов показывает, что отнюдь не всегда городское самоуправление выступало в качестве силы, способной противостоять промышленному загрязнению. Позиция местного самоуправления во многом зависела от состава городского сообщества и баланса сил, сложившегося на локальном уровне.

Заключение

Какую роль играло городское самоуправление в Российской империи в борьбе с промышленным загрязнением? Способно ли оно было обеспечить, по словам современников, «право небогатых людей на неотравленный воздух и воду»? Рассмотренные выше кейсы показывают, что городские думы сыграли безусловно значимую, но не всегда однозначную роль на первых этапах становления российской экологической политики.

Сложности во взаимодействии городских дум с органами государственной власти и промышленными предприятиями по санитарным вопросам были связаны с теми условиями, в которых развивалось российское самоуправление на первых этапах своего существования. Городовые положения предписывали думам следить за городским благоустройством и чистотой территорий, но сфера их полномочий при этом была очерчена крайне расплывчато. Не всегда в этом помогали и существовавшие в XIX в. санитарные узаконения: в большинстве случаев они опирались на такие понятия, как «вред», «порча» и «нечистоты», которые было тяжело определить, измерить и устранить.

Эти слабости городских дум хорошо видны на примере противостояния между казанскими горожанами и химическим заводом Товарищества «Ушков и Компания». Благодаря усилиям гласных думы ущерб здоровью местных жителей и их имуществу был доказан, но этого оказалось недостаточно, чтобы привлечь промышленников к законной ответственности. Главным препятствием к этому стало покровительство со стороны губернских властей. Тем не менее казанский кейс показывает, что эффективное взаимодействие

городского самоуправления и центральных ведомств было возможным: они не всегда выступали в роли контрагентов, конкурирующих за права в публичном пространстве.

Иная ситуация сложилась в Твери, где губернская власть выступала в роли арбитра, а министерства стремились уберечь предприятие от закрытия, опасаясь неблагоприятных социальных эффектов. Тем не менее именно Тверская городская дума была той силой, которая смогла поддерживать разбирательства в течение десятков лет и поспособствовала сразу двум судебным прецедентам в отношении влиятельных промышленников.

Городские думы, однако, могли выступать и на стороне промышленников, защищая их интересы от требований санитарного характера: так происходило на территориях, где крупная промышленность занимала значительную (если не наибольшую) долю региональной экономики – на Урале, в Иваново-Вознесенске, Бакинском губернии. Хотя уровень загрязнения там был значительно выше, санитарные вопросы редко занимали важное место в региональной политической повестке. Работа по определению опасности того или

иного производства была нова для городских дум и требовала соответствующей экспертизы, которой гласные дум и члены городских управ, как правило, не обладали. Кроме того, вопрос об отношении тех или иных производств к категории опасных для здоровья населения в рассматриваемый период являлся дискуссионным, и критерии «опасности» производства периодически пересматривались, что также осложняло деятельность органов городского самоуправления по ограничению вредного воздействия промышленных предприятий в городах.

Таким образом, формирование городского самоуправления в Российской империи, безусловно, стало важным этапом в становлении экологической политики. Городские думы впервые предоставили горожанам возможность публично высказывать свою точку зрения по санитарным вопросам, вступая в открытый диалог с губернской администрацией и высшими ведомствами. В то же время реализация городской реформы на обширном пространстве империи неизбежно имела свои вариации: роль городских дум значительно отличалась от региона к региону, завися от их экономических и культурных особенностей.

Список источников

1. Диканский М.Г. Постройка городов, их план и красота. Петроград : Н.П. Карбасников, 1915. 308 с.
2. Le Roux T. Le Laboratoire des pollutions industrielles: Paris, 1770–1830. Paris : Albin Michel, 2011. 560 p. Google-Books-ID: lCxGAcSQGQIC.
3. Mosley S. The chimney of the world. A history of smoke pollution in Victorian and Edwardian Manchester. London : Routledge, 2001. 288 p.
4. Massard-Guilbaud G. Histoire de la pollution industrielle: France, 1789–1914. Paris : EHESS. Ecole des hautes études en sciences sociales, 2010. 422 p.
5. Uekötter F. The Age of Smoke: Environmental Policy in Germany and the United States, 1880–1970. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2009. 362 p.
6. Weiner D. The genealogy of the Soviet and Post-Soviet landscape of risk // Understanding Russian nature: representations, values and concepts // ed. by A. Rosenholm, S. Autio-Sarasma. Helsinki : University of Helsinki, 2005. P. 209–236.
7. Josephson P. War on nature as part of the Cold War. The strategic and ideological roots of environmental degradation in the Soviet Union // Environmental histories of the Cold War // ed. by J. McNeill, C. Unger. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 21–50.
8. Bruno A. The nature of Soviet power. An Arctic environmental history. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 311 p. Google-Books-ID: G0jGCwAAQBAJ
9. Bruno A. How a rock remade the Soviet North. Nepheline in the Khibiny mountains // Eurasian environments: nature and ecology in imperial Russian and Soviet history // ed. by N. Breyfogle. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2018. P. 147–164.
10. Mazanik A. Industrial waste, river pollution and water politics in Central Russia, 1880–1917 // Water History. 2018. Vol. 10, № 2-3. P. 207–222.
11. Афанасьев Г.Ю. Экология столичных городов (по материалам периодической печати второй половины XIX – начала XX в.). Череповец : Череповец. гос. ун-т, 2017. С. 49–52.
12. Agafonova A.B. Urban pollution and water supply in Novgorod, 1870 – 1914 // Historia Urbana. 2020. Vol. 28. P. 225–247.
13. Устав строительный : с разъяснениями по решениям Правительствующего Сената и циркулярам Министерства Внутренних Дел, и извлечениями из других частей Свода Законов, и с приложением алфавитного указателя (неофиц. изд.) / сост. О.П. Бертинский. СПб. : Изд. Я.А. Канторовича, 1902.
14. Устав о промышленности // Свод законов Российской Империи. Неофиц. изд. СПб. : Деятель, 1912. Т. 11, ч. 2.
15. Городовое положение со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / сост. М.И. Мыш. СПб. : Тип. Н.А. Лебедева, 1888.
16. Городское самоуправление по действующему русскому законодательству: Городовое положение 11 июня 1892 г. / сост. В.И. Немчинов. М. : Тип. В.М. Саблин, 1912. 396 с.
17. Погожев А.В. Обзор местных обязательных постановлений по фабричной санитарии в России. СПб. : тип. М-ва вн. дел, 1894. 134 с.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 41. Ед. хр. 304.
19. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 98. Оп. 4. Ед. хр. 27.
20. ГА РТ. Ф. 98. Оп. 5. Ед. хр. 297.
21. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 2046.
22. О наблюдении Начальником Городских Полиций за чистотой и опрятностью в городах : указ № 20881 от 2 авг. 1803 г. // Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е: С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 27.
23. Оглоблин В.Н. Законы, нормы и разные постановления относительно сточных промышленных вод за границей и в России // Известия общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности. 1913. Т. XVII, № 8. С. 407–422.
24. РГИА. Ф. 23. Оп. 17. Ед. хр. 183.
25. ГАТО. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 2474.
26. Белов П.С. Центральный комитет по охране водоемов от загрязнения промышленными сточными водами; его задачи и деятельность. 1912–1925 г. / Высш. сов. нар. хозяйства. Глав. экон. упр. СССР. М., 1925. 29 с.
27. РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Ед. хр. 3694.

28. Фабрики и общественное здоровье // Урал. 1901. 23 мая. № 1176.
 29. Шемахинцы и г. Тагиев // Каспий. 1881. № 8.
 30. Местные известия // Каспий. 1881. № 7.

References

1. Dikanskiy, M.G. (1915) *Postroyka gorodov, ikh plan i krasota* [Construction of cities, their plan and beauty]. Petrograd: N.P. Karbasnikov.
2. Le Roux, T. (2011) *Le Laboratoire des pollutions industrielles. Paris, 1770–1830*. Paris: Albin Michel.
3. Mosley, S. (2001) *The chimney of the world. A history of smoke pollution in Victorian and Edwardian Manchester*. London: Routledge.
4. Massard-Guilbaud, G. (2010) *Histoire de la pollution industrielle: France, 1789–1914*. Paris: EHESS.
5. Uekötter, F. (2009) *The Age of Smoke: Environmental Policy in Germany and the United States, 1880–1970*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
6. Weiner, D. (2005) The genealogy of the Soviet and Post-Soviet landscape of risk. In: Rosenholm, A. & Autio-Sarasmo, S. (eds) *Understanding Russian nature: representations, values and concepts*. Helsinki: University of Helsinki. pp. 209–236.
7. Josephson, P. (2010) War on nature as part of the Cold War. The strategic and ideological roots of environmental degradation in the Soviet Union. In: McNeill, J. & Unger, C. (eds) *Environmental Histories of the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 21–50.
8. Bruno, A. (2016) *The Nature of Soviet Power. An Arctic Environmental History*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Bruno, A. (2018) How a rock remade the Soviet North. Nepheline in the Khibiny mountains. In: Breyfogle, N. (ed.) *Eurasian Environments: Nature and Ecology in Imperial Russian and Soviet History*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. pp. 147–164.
10. Mazanik, A. (2018) Industrial waste, river pollution and water politics in Central Russia, 1880–1917. *Water History*. 10(2-3). pp. 207–222.
11. Afanasiev, G.Yu. (2017) *Ekologiya stolichnykh gorodov (po materialam periodicheskoy pechati vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.)* [Ecology of capital cities (based on the materials of the periodical press of the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Cherepovets: Cherepovets State University. pp. 49–52.
12. Agafonova, A.B. (2020) Urban pollution and water supply in Novgorod, 1870 – 1914 [Urban pollution and water supply in Novgorod, 1870–1914]. *Historia Urbana*. 28. pp. 225–247.
13. Bertinskiy, O.P. (1902) *Ustav stroitel'nyy: s raz'yasneniyami po resheniyam Pravitel'stvuyushchego Senata i tsirkulyaram Ministerstva Vnutrennikh Del, i izvlecheniyami iz drugih chastei Svoda Zakonov, i s prilozheniem alfavitnogo ukazatelya (neofits. izd.)* [Construction Charter: with clarifications on decisions of the Governing Senate and circulars of the Ministry of Internal Affairs, and extracts from other parts of the Code of Laws, and with an alphabetical index (unofficial edition)]. St. Petersburg: Ya.A. Kantorovich.
14. Russia. (1912) *Ustav o promyshlennosti* [The Statute of Industry]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy Imperii. Neofits. izd* [The Code of Laws of the Russian Empire. Unofficial edition]. Vol. 11(2). St. Petersburg: Russkoe knizhnoe tovarishchestvo “Deyatel”.
15. Mysh, M.I. (1888) *Gorodovoe polozhenie so vsemi otnosyashchimisya k nemu uzakonenyami, sudebnymi i pravitel'svennymi raz'yasneniyami* [City Regulation with all related laws, judicial and government explanations]. St. Petersburg: Tipografiya N.A. Lebedeva.
16. Nemchinov, V.I. (1912) *Gorodskoe samoupravlenie po deystvuyushchemu russkomu zakonodatel'stvu: Gorodovoe polozhenie 11 iyunya 1892 g.* [City self-government under the current Russian legislation: City Regulations June 11, 1892]. Moscow: Tipografiya V.M. Sablina.
17. Pogozhev, A.V. (1894) *Obzor mestnykh obyazatel'nykh postanovleniy po fabrichnoy sanitarii v Rossii* [Overview of local mandatory regulations on factory sanitation in Russia]. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
18. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1287. List 41. File 304.
19. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund 98. List 4. File 27.
20. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund 98. List 5. File 297.
21. The State Archive of Tver Region (GATO). Fund 801. List 1. File 2046.
22. Russia. (1830) O nablyudenii Nachal'nikom Gorodskikh Politsiy za chistotoy i opyatnost'yu v gorodakh: ukaz № 20881 ot 2 avg. 1803 g. [On the supervision by the Chief of the City Police of cleanliness and tidiness in the cities: Decree No. 20881 of August 2, 1803]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. [Sobranie 1-e: S 1649 po 12 dekabrya 1825 g.]* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. [Collection 1: From 1649 to December 12, 1825]]. Vol. 27. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
23. Ogloblin, V.N. (1913) *Zakony, normy i raznye postanovleniya otnositel'no stochnykh promyshlennykh vod zagranitsey i v Rossii* [Laws, rules and various regulations regarding industrial wastewater abroad and in Russia]. *Izvestiya obshchestva dlya sodeystviya uluchsheniyu i razvitiyu manufakturnoy promyshlennosti*. 17(8). pp. 407–422.
24. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 23. List 17. File 183.
25. The State Archive of Tver Region (GATO). Fund 801. List 1. File 2474.
26. Belov, P.S. (1925) *Tsentral'nyy komitet po okhrane vodoemov ot zagryazneniya promyshlennymi stochnymi vodami; ego zadachi i deyatelnost'. 1912–1925 g.* [The Central Committee for the Protection of Reservoirs from Industrial Wastewater Pollution; its tasks and activities. 1912–1925]. Moscow: Main Economic Directorate of the USSR.
27. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1287. List 27. File 3694.
28. *Ural*. (1901) *Fabriki i obshchestvennoe zdorov'e* [Factories and public health]. 23rd May.
29. *Kaspiy*. (1881a) *Shemakhintsy i g. Tagiev* [Shemakhintsy and Mr. Tagiev]. 8.
30. *Kaspiy*. (1881b) *Mestnye izvestiya* [Local news]. 7.

Сведения об авторах:

Виноградов Андрей Владиславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Школы исследований окружающей среды и общества Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: AndreiVinogradov@gmail.com.

Агафонова Анна Борисовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории экологической и технологической истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.b.agafonova@gmail.com

Манцеров Иван Игоревич – магистр истории, главный специалист отдела информации и использования документов Российского государственного архива литературы и искусства (Москва, Россия). E-mail: ivan-mancerov@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Vinogradov Andrei V. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Space Research at the School of Environmental and Social Studies, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: AndreiVinogradov@gmail.com

Agafonova Anna B. – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Laboratory of Environmental and Technological History, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.b.agafonova@gmail.com

Mantserov Ivan I. – Master of History, Chief Specialist of the Department of Information and Use of Documents, Russian State Archive of Literature and Art (Moscow, Russian Federation). E-mail: ivan-mancerov@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.06.2022; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 17.06.2022; accepted for publication 07.09.2022